

Чехов М. Н. актёр

СВЕТЛОСТЬ

30 июля 1986

1986 года

3

КНИГИ:
НОВИНКА НЕДЕЛИНАСЛЕДИЕ
РУССКОГО
АКТЕРА

У НЕГО была самая невзрачная внешность: небольшого роста, очень худой, курносый, и голос слабый, с хрипотцой.

Я прекрасно помню рассказ своей тетки о том, как открылся занавес и вместо привычно-картинных Гамлетов она сначала разочарованно увидела на сцене какую-то, по ее выражению, сумасшедшую старушонку, а потом целый вечер не могла опомниться от игры Михаила Александровича Чехова.

В статье М. О. Кнебель, предвещающей двухтомник «Михаил Чехов. Литературное наследие» (издательство «Искусство»), приводятся слова, сказанные Станиславским еще в 1912 году после первого же прослушивания молодого (двадцать один год!) актера: «Племянник Анто́на Павловича Миша Чехов — гений». Когда же тот сыграл Хлестакова в поставленном Станиславским спектакле, Вахтангов потрясенно спрашивал у товарищей: «И мы с этим человеком живем рядом? Вместе кашу едим? За одним столом?», а Шаляпин, вновь много лет спустя смотревший Чехова в этой роли, восторженно ворчал: «Кружева плетет, сукин сын».

О том, что Чехов, самый блестящий из учеников Станиславского, как считали многие современники, отнюдь не был при этом покорно-поислиив, свидетельствуют и его собственные замечательные воспоминания «Путь актера», дополненные в двухтомнике более поздними мемуарными фрагментами, и более «специальные» театральнопедagogические работы и записи, собранные составителями (И. И. Аброскиной, М. С. Ивановой, Н. А. Крымовой).

«Русский театр богат актерскими дарованиями, — говорит в превосходной статье Кне-

бель. — Но среди многих прекрасных художников сцены редкими и драгоценными феноменами являются искатели новых путей. У них особый склад мышления, часто бунтарский и лишенный целостности. Судьба таких актеров исключительна. Им трудно живется в любом устоявшемся коллективе, и коллективу, как правило, нелегко сживаться с такими людьми».

Поздно да и не «по чину» (и не по душе) нам педантично исчислять нервные всплески и опрометчивые поступки великого актера, за которые он сполна расплатился своей нелегкой судьбой и смертью на чужбине.

К тому же любая подобная «критика» бледнеет рядом с ошеломляюще откровенными признаниями и беспощадными самооценками, которыми изобилуют мемуары и письма самого Чехова. В своих писаниях он виден весь, беззащитно и доверчиво распахнутый перед читателем. Такой, что мы понимаем: он не просто «племянник Анто́на Павловича», он — плоть от плоти всей нашей великой культуры с ее вечной «напряженностью духовного поиска» (снова слова Кнебеля!), постоянной неудовлетворенностью, высочайшей совестью («Не проходим ли мы мимо действительности с нашим утонченным искусством...» — такой вопрос себе мог задать именно «внук» Льва Толстого и «брат» Александра Блока).

Михаил Чехов — это совсем не избалованный «премьер», озабоченный лишь собственным, персональным успехом, этакий театральный «король-солнце». «Мечтаю переставить «Гамлета», — пишет он в 1926 году. — Новая будет вещь. Сенсация в Москве. Гамлет — Чебан, король — Берсенева, королева и Офелия могут быть без изменения и Фортинбрас — Чехов... И такой план новой постановки, что голова кружится».

Как это для него характерно — уступить другому роль, в которой блистал сам, для одного, в сущности — эпизодического, но явления в последнем акте...

И что за трогательный восторг перед чужим успехом — перед мейерхольдовским «Ревизором», хотя Михаил Александрович был далеко не во всем согласен с этой постановкой, и его замечания тонки и умны, перед режиссерским талантом своего друга Вахтангова, чудесно обрисованного и буквально оплаканного в «Пути актера», перед искусством Мстислава Добужинского и других, порой уже позабытых деятелей русской и мировой сцены!

Прекрасная и нужная книга... Причем нужная не одним только коллегам автора или занятым театральным. Читаешь иные как

будто чисто специальные размышления автора, и они вдруг живо отзываются на самые злободневные нынешние заботы и тревоги, на жаркие дебаты о нравственной чистоплотности, о соотношении слов и поступков. «Мы избавляли себя, — рассказывает Чехов о смысле репетиционной работы над «Гамлетом», — от иучительной стадии произнесения слов одними губами без всякого внутреннего содержания...»

Ох, уж это «произнесение слов одними губами», пагубное не только на театральных подмостках!

Конечно, остается только сожалеть, что Михаил Александрович не все «договорил» со сцены. Но и в том, что им написано, ощутимо заразительное обаяние его личности.

А. ТУРКОВ.